

© 2019

Артем Пылин

кандидат экономических наук,
заведующий сектором Института экономики РАН,
доцент Финансового университета при Правительстве РФ
(e-mail: artem-pylin@yandex.ru)

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ СВЯЗАННОСТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В статье отмечаются внутренняя неоднородность евразийской интеграции, а также усиление конкуренции со стороны внешних игроков на постсоветском пространстве. На основе анализа динамики и структуры торговых и инвестиционных связей между странами ЕАЭС делается вывод о необходимости опережающего роста взаимной (внутренней) торговли в рамках ЕАЭС и ее диверсификации на основе новых драйверов роста экономики в целях недопущения развития дезинтеграционных тенденций.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕС, КНР, торгово-экономическая связанность, евразийская интеграция, внешнеторговые связи, инвестиции, «Один пояс – один путь», «Восточное партнерство».

DOI: 10.31857/S020736760007589-6

В 2019 году исполнилось пять лет с момента подписания договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Становление и развитие ЕАЭС протекало в достаточно сложных внешних условиях. Стремительно меняющаяся конъюнктура на мировых топливно-сырьевых рынках, формирование крупных трансрегиональных экономических партнерств, замедление темпов роста мировой экономики и наращивание задолженности стран, санкции, протекционистская политика и торговые войны, повышенная волатильность на мировых финансовых рынках – все эти факторы имеют серьезные последствия для мировой экономики. При этом в условиях глобализации значительные риски от возрастающей неопределенности несут прежде всего страны с формирующимся рынком, к которым относятся государства ЕАЭС. Одним из драйверов развития процессов евразийской интеграции было стремление ее стран-участниц повысить свою конкурентоспособность и устойчивость к внешним шокам, активизировать процессы экономической модернизации.

Торгово-экономическая связанность стран как фактор региональной интеграции. Динамика развития торгово-экономических связей как внутри союза, так и за его пределами свидетельствует о сравнительно слабой вовлеченности ЕАЭС в мировую торговлю товарами. Доля ЕАЭС в мировом экспорте низка – 2,8%, заметно ниже его доля в мировом ВВП по ППС (3,7%)¹. Налицо крайне низкий *уровень связанности* (определяемый нами как отношение внутрирегионального экспорта к экспорту в третьи страны) – лишь 0,11, что значительно уступает практически

¹ Расчеты автора за 2018 год по данным IMF, ИТС.

всем основным региональным интеграционным объединениям. Вместе с тем в пределах региона СНГ более высокий уровень связанности стран значительно выше – 0,22, и это свидетельствует о существующем потенциале углубления и расширения евразийской интеграции. По оценкам Л. Зевина, этот показатель для евразийского пространства должен быть в два раза больше, чем по СНГ – 0,40. В этом случае будет достигнут так называемый "*интеграционный порог*", что создаст условия для нормального функционирования начального этапа интеграции [8. С. 32–33].

Международный опыт показывает, что для создания конкурентоспособных предприятий и, как следствие, повышения устойчивости стран к внешним шокам на начальном этапе интеграции крайне важно создание более благоприятных условий для производителей в рамках определенного регионального объединения. Регионы с наиболее конкурентоспособным на внешних рынках производством – ЕС и АСЕАН – имеют наиболее высокие относительные показатели внутрирегиональной торговли [12. С. 320–322]. По оценкам ЕБРР, развитие экспорта в пределах региона ЕАЭС впоследствии может стать первым шагом к его расширению в глобальных масштабах [7. С. 78].

Для оценки степени и интенсивности экономического взаимодействия стран ЕАЭС в условиях активизации процессов экономической интеграции нами использовался *коэффициент торгово-экономической связанности* (КТЭС), который исчисляется как отношение стоимостных объемов взаимного товарооборота к суммарному ВВП (в текущих ценах) взаимодействующих стран и умножения полученной величины на 100. Этот коэффициент позволяет соизмерить связь роста экономики и взаимной торговли стран-партнеров. Косвенно он отражает уровень комплементарности (взаимодополняемости) экономик, причем как на двусторонней основе, так и в разрезе интеграционных объединений. КТЭС во многом является результатом уровня технико-экономического развития и кооперации взаимодействующих стран, особенностей их географического положения ("эффекта соседства") и развития трансграничной транспортной инфраструктуры. Анализ динамики КТЭС позволяет также оценить направленность процессов неформальной интеграции (на примере торговых связей) рассматриваемых стран. Для этого были выбраны все возможные 10 взаимодействующих пар стран в рамках ЕАЭС (табл. 1).

Следует отметить, что за рассматриваемый период в странах ЕАЭС наблюдались разнонаправленные тенденции: 1) достижение пиковых значений стоимостных объемов торговли в 2011–2013 гг. на фоне восстановления после глобального финансово-экономического кризиса; 2) снижение показателей внешней и взаимной торговли в условиях замедления темпов роста (падения) экономики в 2014–2016 гг.; 3) возобновление роста торговли на фоне умеренного подъема экономики в 2017–2018 гг. Это позволяет одновременно оценить связанность соответствующих стран и регионов и ее устойчивость в разных внешнеэкономических условиях и форматах интеграции (до и после создания ЕАЭС).

Таблица 1

Динамика КТЭС ЕАЭС и некоторых других стран в 2011–2018 гг.

Пары стран	2011–2014	2015	2016	2017	2018	2015–2018	Изменение в 2015–2018 гг. по сравнению с 2011–2014 гг., %
Беларусь – Россия	1,791	1,915	1,945	1,972	2,086	1,980	10,6
Казахстан – Россия	0,971	0,974	0,890	0,918	0,975	0,939	–3,3
Казахстан – Кыргызстан	0,438	0,366	0,400	0,445	0,484	0,424	–3,2
Беларусь – Казахстан	0,319	0,236	0,226	0,315	0,387	0,291	–8,8
Беларусь – Кыргызстан	0,199	0,094	0,096	0,208	0,193	0,148	–25,6
Армения – Россия	0,061	0,089	0,105	0,107	0,116	0,104	70,5
Кыргызстан – Россия	0,090	0,104	0,073	0,091	0,090	0,090	0,0
Армения – Беларусь	0,051	0,059	0,062	0,067	0,070	0,065	27,5
Армения – Кыргызстан	0,003	0,003	0,007	0,010	0,006	0,007	133,3
Армения – Казахстан	0,007	0,003	0,004	0,005	0,007	0,005	–28,6
ЕАЭС-5 (ср. ариф.)	0,393	0,384	0,381	0,414	0,441	0,405	3,1
<i>Для сравнения:</i>							
Чехия – Польша	2,835	3,297	3,455	3,453	3,499	3,426	20,9
США – Канада	3,442	2,946	2,722	2,785	2,819	2,818	–18,1
Германия – Австрия	2,977	2,808	2,773	2,795	2,799	2,794	–6,1
Таиланд – Вьетнам	1,828	2,159	2,246	2,461	2,550	2,354	28,8
КНР – Вьетнам	0,638	0,839	0,860	0,993	1,085	0,944	48,1

Источники: составлено и рассчитано автором по данным ITC Trade Map, October 2019, IMF. World Economic Outlook Database, April 2019.

Проведенные расчеты показали, что за период 2015–2018 гг. по сравнению с 2011–2014 гг. торгово-экономическая связанность ЕАЭС выросла на 3,1% и составила в среднем 0,405. Такая положительная динамика связанности в условиях меняющейся внешнеэкономической конъюнктуры косвенно свидетельствует о сохранении комплементарности и сравнительно высокой взаимозависимости стран евразийской пятерки, а также о положительных интеграционных (торговых) эффектах. Наиболее высокие темпы прироста КТЭС отмечались в парах стран с участием Армении и Кыргызстана (Армения – Кыргызстан, Армения – Россия, Армения – Беларусь), которые вошли в Таможенный союз ЕАЭС

в 2015 г. Именно в этих трех парах стран стоимостной объем взаимного товарооборота в 2018 г. значительно превысил пиковые показатели 2011–2013 гг. При этом во всех остальных семи случаях товарооборот не достиг пиковых значений. Высокие темпы прироста КТЭС сохранились и в паре традиционных торговых партнеров Беларусь – Россия. В то же время заметное сокращение показателя связанности произошло в парах Армения – Казахстан, Беларусь – Кыргызстан, Беларусь – Казахстан, а также в двух парах с высокой связанностью – Казахстан – Россия и Казахстан – Кыргызстан, что было обусловлено значительным (на 1/3) сокращением стоимостных объемов их взаимной торговли.

Повышение эффективности евразийской интеграции и ее устойчивости к неблагоприятным внешним факторам ограничивается сравнительно слабой и весьма дифференцированной связанностью между отдельными странами внутри ЕАЭС. По нашим расчетам, в 2015–2018 гг. наиболее *высокий уровень* торгово-экономической связанности (0,424 – 1,980) наблюдался в трех парах стран с общими границами: Беларусь – Россия, Казахстан – Россия и Казахстан – Кыргызстан; *средний уровень* (0,104 – 0,291) в парах Беларусь – Казахстан, Беларусь – Кыргызстан и Армения – Россия, а *наименьший* (0,090 и ниже) – в паре Кыргызстан – Россия и в трех парах стран с участием Армении (Армения – Беларусь, Армения – Кыргызстан и Армения – Казахстан), что отчасти обусловлено отсутствием общих границ республики с другими странами объединения и нахождением ее в транспортной блокаде со стороны некоторых соседей. В этой связи, требуется выработка подходов и механизмов, направленных на повышение связанности, прежде всего, Армении с другими странами-участницами объединения путем решения соответствующих транспортно-логистических проблем [1. С. 161–173].

Отметим, что наиболее высокий в ЕАЭС показатель белорусско-российской связанности сильно отстает от аналогичных показателей в ЕС и НАФТА, уступая в 1,7 раза взаимной связанности Чехии и Польши, в 1,4 раза – США и Канады, Германии и Австрии; даже связанность Вьетнама и Таиланда пока опережает этот наивысший показатель в ЕАЭС. Выборочные оценки динамики КТЭС в отдельных парах стран показывают, что в 2015–2018 гг. взаимные торговые потоки наиболее интенсивно развивались в Юго-Восточной Азии (Китай – Вьетнам, Таиланд – Вьетнам) и Центрально-Восточной Европе (Чехия – Польша), тогда как в Северной Америке (США – Канада) и Западной Европе (Германия – Австрия) наблюдалось снижение связанности (табл. 1).

В этот же период торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС с Евросоюзом сократилась на 33,7% и составила в среднем 0,295. Снижение связанности с ЕС произошло во всех странах евразийской пятерки, причем наиболее сильное – в Казахстане, Беларуси и России, у которых при этом отмечался наиболее высокий КТЭС с Евросоюзом среди стран-участниц ЕАЭС. Такое сильное снижение произошло преимущественно в 2014–2016 гг., и начавшееся восстановление этого показателя в 2017–2018 гг. не компенсировало произошедшее падение. Снижение

связанности с ЕС у Армении и Кыргызстана не было столь критичным ввиду сравнительно небольшого падения стоимостных объемов их взаимной торговли – на 8–22%, тогда как у трех крупнейших стран объединения такое падение составило 31–46%. Причем у России снижение торгово-экономической связанности с Евросоюзом продолжилось и в 2017 г. (табл. 2).

В 2015–2018 гг. торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС с Китаем также значительно сократилась – на 31,9%, составив в среднем 0,145. Обращает на себя внимание наиболее сильное снижение связанности с КНР у Казахстана и России², которые при этом также имели наибольший уровень связанности с китайской экономикой. Снижение связанности стран ЕАЭС и Китая объясняется в основном более высоким наращиванием объемов китайской экономики, за которыми не успевают расти сравнительно невысокие торговые потоки, а также значительным снижением казахстанско-китайской торговли.

Таблица 2

Динамика КТЭС стран ЕАЭС с КНР и ЕС в 2011–2018 гг.

Пары стран	2011–2014	2015	2016	2017	2018	2015–2018	Изменение в 2015–2018 гг. по сравнению с 2011–2014 гг., %
Россия – Китай	0,781	0,505	0,529	0,630	0,720	0,596	–23,7
Казахстан – Китай	0,235	0,093	0,069	0,086	0,086	0,084	–64,3
Беларусь – Китай	0,030	0,027	0,022	0,025	0,026	0,025	–16,7
Кыргызстан – Китай	0,014	0,009	0,014	0,013	0,015	0,013	–7,1
Армения – Китай	0,006	0,004	0,004	0,005	0,006	0,005	–16,7
ЕАЭС – Китай (ср. ариф.)	0,213	0,128	0,128	0,152	0,171	0,145	–31,9
Россия – ЕС	1,792	1,135	1,124	1,116	1,444	1,205	–32,8
Казахстан – ЕС	0,291	0,188	0,145	0,171	0,199	0,176	–39,5
Беларусь – ЕС	0,132	0,086	0,066	0,082	0,091	0,081	–38,6
Армения – ЕС	0,009	0,007	0,007	0,008	0,009	0,008	–11,1
Кыргызстан – ЕС	0,004	0,002	0,002	0,003	0,006	0,003	–25,0
ЕАЭС – ЕС (ср. ариф.)	0,445	0,284	0,269	0,276	0,350	0,295	–33,7
<i>Для сравнения:</i>							
Китай – ЕС	2,109	2,041	1,971	2,098	2,129	2,060	–2,3

Источники: составлено и рассчитано автором по данным ITC Trade Map, October 2019, IMF. World Economic Outlook Database, April 2019.

² Отметим, что российско-китайская торговля заметно превысила докризисные показатели, увеличившись с 88,8 млрд долл. в 2013 г. до 108,3 млрд долл. в 2018 г., тогда как казахстанско-китайская торговля по-прежнему сильно отстает – с 22,7 до 11,7 млрд долл. соответственно. Расчеты автора по данным ITC Trade Map, October 2019.

Таким образом, торгово-экономическая связанность внутри ЕАЭС в среднем в 1,4 раза выше, чем связанность этого объединения с ЕС и в 2,8 раза выше, чем с КНР. В условиях меняющихся внешних факторов и разнонаправленной экономической динамики 2011–2018 гг. связанность стран внутри ЕАЭС в целом немного увеличилась, тогда как связанность евразийской пятерки с ЕС и КНР – сильно снизилась, что свидетельствует о сохранении более высокой комплементарности экономик стран-участниц евразийской пятерки. Этому способствовало вступление в силу договора о создании Евразийского экономического союза и более диверсифицированная структура взаимной торговли в рамках ЕАЭС.

Трансформация внешнеторговых связей стран ЕАЭС: ослабление позиций ЕС и усиление КНР. При оценке связанности евразийской интеграции важное значение имеет анализ структуры торгово-экономических связей как внутри объединения, так и за его пределами. В географической структуре внешней (и взаимной) торговли стран ЕАЭС традиционно выделяются три основных вектора: 1) *европейский* – торговля со странами ЕС; 2) *азиатский* – торговля со странами Азии, прежде всего с Китаем; 3) *евразийский* – взаимная торговля внутри ЕАЭС.

За период 2013–2018 гг. произошли значительные изменения в структуре внешней торговли стран ЕАЭС (с учетом падения их стоимостных объемов в 2013–2016 гг. и возобновления роста в 2017–2018 гг.). Во всех странах региона заметно сократилась доля торговли с ЕС и увеличилась доля торговли с ЕАЭС (за исключением Кыргызстана). При этом вступление Армении в ЕАЭС (со 2 января 2015 г.) способствовало усилению торгового взаимодействия республики с евразийским объединением, прежде всего за счет значительного роста армянского экспорта. В результате для Армении рынки ЕС и ЕАЭС стали вполне сопоставимы по своему объему, но остаются разными по товарной структуре [2].

Внешняя торговля стран евразийской пятерки с КНР носила неоднозначный характер. При общем опережающем росте импорта китайских товаров, которые в значительной степени замещают европейские на внутренних рынках государств ЕАЭС, странам региона (за исключением России) пока не удастся добиться устойчивых темпов роста экспорта своих товаров в Китай. В то же время, по итогам 2018 г. товарооборот РФ с КНР превысил докризисные (88,7 млрд долл. в 2013 г.) показатели и достиг 108,3 млрд долл., причем впервые с положительным сальдо (3,8 млрд долл.) в пользу России. Кроме того, на этапе восстановления торговых потоков российский экспорт в ЕАЭС также рос опережающими темпами по сравнению со встречным импортом, что привело к существенному улучшению условий торговли для РФ³ (табл. 3).

³ Так, например, положительное сальдо торговли России с Беларусью в 2013 г. составляло 6,1 млрд долл. (в 2016 г. – 4,5 млрд долл.), а в 2018 г. – возросло до 9,6 млрд долл.

Таблица 3

Географическая структура внешней торговли товарами стран ЕАЭС, %

Страны		ЕС-28			ЕАЭС-5			КНР		
		2013	2015	2018	2013	2015	2018	2013	2015	2018
Армения	экспорт	33,4	27,8	28,4	23,7	17,2	28,5	4,7	11,1	4,5
	импорт	26,4	24,1	23,1	24,3	29,9	26,2	8,8	9,8	13,4
	оборот	28,2	25,3	24,8	24,2	25,9	27,0	7,8	10,2	10,5
Беларусь	экспорт	28,1	32,1	30,2	47,9	41,3	41,2	1,2	2,9	1,4
	импорт	24,4	19,3	18,6	53,5	56,8	59,2	6,6	7,9	8,2
	оборот	26,1	25,3	24,0	50,9	49,5	50,8	4,1	5,6	5,0
Казахстан	экспорт	54,5	53,2	50,9	7,8	11,1	9,7	17,0	11,9	10,3
	импорт	18,6	22,5	20,5	39,0	36,7	40,6	17,1	16,6	16,5
	оборот	41,3	40,9	40,3	19,2	21,3	20,4	17,0	13,8	12,5
Кыргызстан	экспорт	3,7	3,5	44,9	30,9	27,7	29,6	2,2	2,5	3,6
	импорт	10,6	7,9	6,4	44,5	49,2	35,2	23,9	25,3	40,2
	оборот	9,1	6,7	16,4	41,4	43,6	33,7	19,0	19,3	30,7
Россия	экспорт	53,8	48,2	45,5	7,8	8,3	8,4	6,8	8,3	12,5
	импорт	42,6	38,4	37,5	6,4	7,6	7,7	16,9	19,1	21,9
	оборот	49,6	44,8	42,7	7,3	8,1	8,1	10,5	12,1	15,7

Источники: составлено и рассчитано автором по данным Национальной статистической службы Республики Армения; Национального статистического комитета Республики Беларусь; ФТС России; ИТС. Trade Map. April 2019.

В 2013–2018 гг. произошли заметные изменения в товарной структуре взаимной торговли государств ЕАЭС, что во многом стало результатом формирования отраслевой специализации стран-участниц. В трех крупнейших странах региона (ЕАЭС-3) возросла доля продовольственных товаров и с/х сырья (особенно в Беларуси), а также сократилась доля минеральных продуктов, что во многом стало результатом падения мировых цен на топливно-сырьевые товары и замедления (спада) экономической активности в странах объединения. При этом в Казахстане значительно возросла доля продукции химической промышленности, металлов и изделий из них. В то же время в Беларуси и Казахстане снизилась доля машин, оборудования и транспортных средств, тогда как в России – немного возросла (табл. 4).

Относительное снижение роли белорусской и казахстанской машинотехнической продукции во взаимной торговле стран ЕАЭС во многом обусловлена снижением спроса на соответствующую продукцию со стороны России. В 2013–2017 гг. доля стран ЕАЭС на машинотехническом рынке России сократилась как в относительных (с 3,7 до 3,1%), так и в абсолютных (с 5,7 до 3,4 млрд долл.) показателях. В то же время России удалось увеличить свою долю на рынках машинотехнической продукции стран ЕАЭС – в среднем с 16,3 до 22,2%, хотя в абсолютных показателях наблюдалось некоторое снижение (с 7,3 до 6,1 млрд долл.).

Кроме того, во всех странах ЕАЭС усилились позиции машинотехнической продукции из КНР – в среднем с 20,4 до 25,4%, в том числе в России – с 18,2 до 25,9%⁴. На ввоз машин и оборудования из Китая наиболее быстрыми темпами переориентируется РФ, что при прочих равных объясняется действующими санкционными ограничениями в поставках соответствующей продукции из стран Запада (ЕС и США). Эти тенденции косвенно свидетельствуют по крайней мере о частичном вытеснении с российского рынка машинотехнической продукции из стран ЕАЭС китайскими товарами, что не соответствует заявленным целям евразийской интеграции относительно согласованной модернизации стран-участниц.

Таблица 4

Товарная структура взаимной торговли стран ЕАЭС-3 в 2013–2018 гг., %

Товарные группы	Беларусь			Казахстан			Россия		
	2013	2015	2018	2013	2015	2018	2013	2015	2018
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Продовольственные товары и с/х сырье	27,3	35,1	32,4	8,4	9,3	9,0	7,1	8,4	8,4
Минеральные продукты	6,6	5,3	2,1	40,6	42,0	36,6	43,1	43,0	37,7
Продукция химической промышленности	10,7	11,5	11,8	8,1	20,3	15,0	9,9	10,4	11,4
Кожевенное сырье, пушнина	0,2	0,2	0,4	0,2	0,2	0,1	0,3	0,2	0,2
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2,3	2,8	3,2	0,1	0,2	0,3	2,4	2,8	3,0
Текстиль, текстильные изделия и обувь	7,0	6,8	8,2	2,2	2,4	1,0	2,0	1,8	1,9
Металлы и изделия из них	7,4	6,4	7,1	24,2	17,0	30,7	13,7	11,4	12,9
Машины, оборудование и транспортные средства	31,4	25,0	29,0	9,8	3,8	6,3	17,3	15,9	17,8

Примечание. ЕЭК определяет объемы взаимной торговли товарами государственных членов ЕАЭС как суммарный стоимостной объем экспортных операций государственных членов союза во взаимной торговле.

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии.

Значительное наращивание торгового взаимодействия стран ЕАЭС с КНР (в том числе через рост импорта китайских машин и оборудования) во многом связано с притоком в регион китайских инвестиций [5, 17]. За период 2013–2017 гг. накопленные прямые иностранные

⁴ Расчеты автора по данным ИТС. Trade Map, November 2018.

инвестиции (ПИИ) из Китая в странах ЕАЭС (без России) увеличились с 6,5 млрд долл. (или 4,3% от общих накопленных ПИИ) до 11,1 млрд долл. (или 6,3%), причем наибольший прирост китайских прямых инвестиций отмечался в Беларуси (со 118 до 268 млн долл.), Казахстане (с 5,7 до 9,4 млрд долл.) и Кыргызстане (с 0,7 до 1,4 млрд долл.)⁵. Активизация инвестиционного сотрудничества Беларуси и КНР обусловлена вложениями китайских партнеров в белорусский индустриальный парк «Великий камень», а также в совместное предприятие по сборке легковых автомобилей Geely. В Кыргызстане присутствие китайских инвесторов в нефтепереработке и золотодобывающей промышленности было расширено запуском новых проектов в строительном комплексе. Китайские ПИИ в Казахстане традиционно сосредоточены в топливном комплексе, но уже в конце 2016 г. в рамках программы по переносу производственных мощностей из Китая в Казахстан был открыт совместный завод по переработке масличных культур [11. С. 45–48].

Концептуальные подходы КНР и ЕС к связанности в Евразии. Стратегическое видение развития процессов евразийской интеграции и связанности существенно различается у двух ключевых внешних игроков — Евросоюза и Китая. Как известно, руководство КНР еще осенью 2013 г. выдвинуло инициативу «Один пояс — один путь», которая предполагает масштабные китайские инвестиции в инфраструктуру стран Центральной Азии и ЕАЭС, создание необходимых условий для последующего выхода на рынки этих стран и Европы. В мае 2015 г. было принято совместное заявление России и Китая о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) [13], что свидетельствовало о стремлении двух стран к координации своей деятельности на пространстве евразийской интеграции. Через три года было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (Астана, 17 мая 2018 г.).

В данном соглашении рассматривается ряд вопросов, которые направлены на повышение эффективности взаимодействия между Евразийским экономическим союзом и Китаем. Среди них следует выделить: повышение транспарентности и работа по взаимному признанию стандартов, технических регламентов и процедур оценки соответствия; совершенствование таможенного сотрудничества и упрощение процедур торговли; защита прав интеллектуальной собственности; регулирование электронной коммерции; взаимовыгодное развитие отраслевого сотрудничества в сфере сельского хозяйства, энергетики, транспорта, промышленной кооперации, информационно-коммуникационной инфраструктуры, технологий и инноваций, финансов и окружающей среды, а также другие вопросы [14]. Развитие торгово-экономического сотрудничества между ЕАЭС и КНР может рассматриваться как часть более широкой *евразийской континентальной интеграции* [4. С. 22–23].

Однако несмотря на подписанные совместные документы, интересы стран-участниц евразийской интеграции и Китая не во всем совпадают [3].

⁵ Расчеты автора по данным на конец года. IMF. Coordinated Direct Investment Survey (CDIS).

Страны ЕАЭС стремятся диверсифицировать свои экономики за счет развития несырьевых отраслей, а КНР заинтересована в развитии в этих странах для своих нужд производства минерального и растительного сырья, рынков сбыта разнообразной китайской продукции. Кроме того, Китай (часто, как и сами страны-участницы ЕАЭС в отношении КНР) заинтересован преимущественно в выстраивании двустороннего сотрудничества со странами евразийской пятерки.

Подходы Евросоюза к развитию сотрудничества со странами ЕАЭС косвенно реализуются через проект «Восточное партнерство» (ВП) и соглашения об ассоциации (СА). Как известно, в мае 2009 г. была принята совместная декларация по вопросам «Восточного партнерства» и состоялось его официальное учреждение. Целью данного проекта является развитие интеграционных связей ЕС с шестью странами постсоветского пространства (Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Молдова и Украина). В июне 2014 г. Евросоюз подписал СА с тремя постсоветскими странами – Грузией, Молдовой и Украиной. В ноябре 2017 г. было подписано Соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Европейским союзом и Арменией (СЕРА), что позволит республике активизировать политический диалог и экономические отношения с ЕС.

В декабре 2018 г. Форумом гражданского общества Восточного партнерства (ФГО ВП) при поддержке ЕС был подготовлен доклад «Eastern Partnership Index 2017», в котором были отражены основные методологические подходы Евросоюза к оценке связанности (сближения) стран-участниц ВП с европейскими странами. Разработанный «Индекс Восточного партнерства 2017 года» (ИВП-2017) отражает прогресс, достигнутый шестью странами данного проекта в направлении устойчивого демократического развития и европейской интеграции. При этом «интеграция» здесь рассматривается как многоплановое понятие, состоящее из сближающихся институциональных норм и стандартов, растущего экономического обмена, более глубоких транснациональных сетей, связывающих общества, и более частых контактов между людьми. Такое широкое понятие подразумевает, что членство или ассоциация в ЕС могут быть целями, этапами или конечными состояниями интеграционного процесса [19. С. 12–17].

При построении ИВП-2017 выделялись два аспекта европейской интеграции: *сближение с ЕС* (отражает степень внедрения странами ВП в свою практику ключевых норм Евросоюза и международных стандартов) и *связь с ЕС* (охватывает транснациональные связи между бизнесом, гражданским обществом, гражданами и правительствами в странах Восточного партнерства и ЕС). По первому критерию лидерами были признаны Украина, Армения, Молдова и Грузия, по второму – Грузия, Молдова и Украина [19. С. 18–24]. Две другие страны ВП (Азербайджан и Беларусь) пока существенно отстают по рассмотренным показателям европейской интеграции.

Европейский союз расширяет сотрудничество и с азиатскими странами постсоветского пространства. В декабре 2015 г. Казахстан подписал соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве с ЕС, которое направлено на значительное углубление взаимных торгово-экономических связей. Этот документ охватывает 29 сфер взаимодействия, начиная от инвестиций, развития торговли, инфраструктуры, и таких сфер как инновация, культура, спорт, туризм, сотрудничество правоохранительных органов [9].

В сентябре 2018 г. была принята общая концепция Евросоюза в отношении развития сотрудничества в Евразии — «Связывая Европу и Азию» («Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy») [23]. Этот документ основывается на собственном опыте ЕС по расширению связей между его государствами-членами и другими регионами. При этом сама связанность (*connectivity*) в европейском понимании должна быть устойчивой, всеобъемлющей и основываться на международных правилах.

Исходя из этого, ЕС будет взаимодействовать со своими соседями и азиатскими партнерами по трем основным направлениям:

1) способствуя эффективным связям и сетям между Европой и Азией через развитие приоритетных транспортных коридоров, цифровых сетей и энергетического сотрудничества;

2) путем установления партнерских отношений в целях обеспечения связей на основе общепринятых правил и стандартов, обеспечивающих лучшее управление потоками товаров, людей, капитала и услуг;

3) внося свой вклад в устранение значительных инвестиционных ограничений за счет улучшения мобилизации ресурсов, усиления использования финансовых ресурсов ЕС и укрепления международного партнерства [23. С. 2–3].

Однако в данной концепции очень слабо прописаны возможные форматы сотрудничества Евросоюза с Евразийским экономическим союзом как с международной организацией. ЕАЭС лишь единожды (в сноске) упоминается в документе (раздел «Региональное сотрудничество»), где указано, что в соответствующих случаях ЕС может взаимодействовать на техническом уровне с Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами с целью достижения более тесного сближения их технических регламентов и стандартов с международными [23. С. 8].

Вместе с тем, практическая важность взаимодействия ЕС и ЕАЭС как крупных интеграционных проектов в регионе континентальной Евразии осознается сегодня и в Евросоюзе, и в России [10]. Создание ЗСТ ЕС — ЕАЭС могло бы преодолеть трудности на пути к большей экономической несовместимости этих объединений и взаимоисключающий характер предложений, которые эти союзы делают потенциальным партнерам [18. С. 59–60]. В принятой в конце 2018 г. Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза также отмечается необходимость активизации сотрудничества с ШОС,

АСЕАН, Европейским союзом, МЕРКОСУР, ВТО, ОЭСР и другими региональными интеграционными объединениями [6]. Однако выработать формат сочетания (сопряжения, гармонизации) двух интеграций на практике пока не удастся, хотя определенные подходы уже нарабатываются. Важными политическими решениями можно считать новое соглашение ЕС-Армения, учитывающее членство страны в ЕАЭС, и инициативы для Беларуси. Необходимо также поддерживать трехсторонние переговорные форматы на министерском уровне в рамках ЕС – ЕАЭС – «Восточные партнеры» по вопросам взаимной торговли, транзита ресурсов из стран СНГ в Европу, в рамках широкого энергетического диалога. Но прорывные решения — это, скорее всего, вопрос будущего. Не исключено, что сопряжение европейской и евразийской интеграций будет происходить под влиянием китайского мегапроекта «Один пояс — один путь», в котором постсоветскому пространству отводится место инфраструктурного моста в торговле Китая с Евросоюзом.

В заключении следует отметить, что Россия заинтересована в опережающем росте взаимной (внутренней) торговли и ее диверсификации в рамках ЕАЭС. Это будет способствовать увеличению плотности (связанности) евразийской интеграции, равно как и наращиванию взаимных инвестиций и реализации совместных (в т.ч. транспортных) проектов. Одной из целей разрабатываемой в России национальной программы в сфере развития международной кооперации и экспорта является формирование эффективной системы разделения труда и производственной кооперации в рамках ЕАЭС [15]. В этой связи для сохранения и наращивания связанности евразийской интеграции в средне- и долгосрочной перспективе требуется более тесная координация и согласование национальных программ развития в целях повышения конкурентоспособности и модернизации стран-участниц объединения. Исчерпание прежних моделей экономического развития должно стать мощным стимулом к совместному поиску новых драйверов роста экономики, среди которых могут быть торговля услугами, цифровизация, совместный выход стран-участниц на рынки третьих стран.

Литература

1. *Вардомский Л.Б.* О динамике транзитных перевозок стран ЕАЭС // Мир перемен. 2018. № 2. С. 161–173.
2. *Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Ильина М.Ю.* Экономика Армении: идеи, модели и результаты развития. Научный доклад // М.: Институт экономики РАН, 2016.
3. *Вардомский Л.Б.* Размышления о Большой Евразии // Мир перемен. 2018, № 3. С. 187–189.
4. *Винокуров Е.Ю., Либман А.М.* Евразийская континентальная интеграция // Санкт-Петербург, 2012.
5. *Глинкина С.П., Куликова Н.В., Тураева М.О., Голубкин А.В., Яковлев А.А.* Китайский фактор в развитии стран российского пояса соседства: уроки для России. Научный доклад // М.: Институт экономики РАН, 2018.
6. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза. — Санкт-Петербург, 6 декабря 2018 г. // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018.

7. Доклад о переходном процессе за 2012 год. Трансграничная интеграция. Европейский банк реконструкции и развития. One Exchange Square London EC2A 2JN Соединенное Королевство, 2012.
8. *Зевин Л.З.* О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. Научный доклад // Москва: Институт экономики РАН, 2015.
9. *Ковалева Т.* Новое соглашение Казахстана и ЕС о сотрудничестве включает в себя 29 сфер. 22 декабря 2015 // <https://www.zakon.kz/4764363-novoe-soglashenie-kazakhstan-a-i-es-o.html>.
10. *Косикова Л., Пылин А.* Интересы стран-участниц «Восточного партнерства» в интеграционном взаимодействии с ЕС и ЕАЭС // Мосты. 2018. № 7 (ноябрь – декабрь). С. 4–8.
11. *Кузнецов А.В., Володин А.Г. и др.* ЕАЭС и страны Евразийского континента: мониторинг и анализ прямых инвестиций // СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017.
12. *Пылин А.Г.* Торгово-экономическая связанность стран ЕАЭС в условиях глобальной нестабильности / Россия и Польша перед лицом общих вызовов. Материалы международ. науч. конф. 4–5 декабря 2017 г. // М.: ИЭ РАН, 2018. С. 312–327.
13. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. Москва, 8 мая 2015 года // <http://kremlin.ru/supplement/4971>.
14. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417818/iatc_21052018.
15. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027>.
16. *Хейфец Б.А.* Как модернизировать Евразийский экономический союз. Научный доклад // М.: Институт экономики РАН, 2019.
17. *Хейфец Б.А.* Новые экономические мегартнерства и Россия // СПб.: Алетей, 2019.
18. *Чаран С., Демус А., Шаниро Д.* Выйти из «промежуточного положения». Представления о региональном порядке в постсоветской Европе и Евразии // Вена, 2019.
19. EASTERN PARTNERSHIP INDEX 2017. Charting Progress in European Integration, Democratic Reforms, and Sustainable Development // Eastern Partnership Civil Society Forum, December 2018.
20. IMF. Coordinated Direct Investment Survey (CDIS) // <https://www.imf.org/en/data>
21. IMF. World Economic Outlook Database, April 2019 // <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/01/weodata/index.aspx>.
22. ITC Trade Map, October 2019 // <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/trade-statistics/>.
23. Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia – Building blocks for an EU Strategy”. Brussels, 19.9.2018 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en.